

**KLIUCHI SCHAST'IA;
POBEDITELI I POBEJDENNUE;
ROMAN V DVYH
VUPYSKAH, VUPYSK PERVUI**

Published @ 2017 Trieste Publishing Pty Ltd

ISBN 9780649391608

Kliuchi schast'ia; Pobediteli i pobejdennue; roman v dvyh vypyskah, Vypysk pervui by A. Verbitskaia

Except for use in any review, the reproduction or utilisation of this work in whole or in part in any form by any electronic, mechanical or other means, now known or hereafter invented, including xerography, photocopying and recording, or in any information storage or retrieval system, is forbidden without the permission of the publisher, Trieste Publishing Pty Ltd, PO Box 1576 Collingwood, Victoria 3066 Australia.

All rights reserved.

Edited by Trieste Publishing Pty Ltd.
Cover @ 2017

This book is sold subject to the condition that it shall not, by way of trade or otherwise, be lent, re-sold, hired out, or otherwise circulated without the publisher's prior consent in any form or binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent purchaser.

www.triestepublishing.com

A. VERBITSKAIA

**KLIUCHI SCHAST'IA;
POBEDITELI I POBEJDENNUE;
ROMAN V DVIKH
VUPYSKAKH, VUPYSK PERVUI**

Verbitskaia, Anastasiia Alekseevna (Ziablov

А. ВЕРБИЦКАЯ.

Kliūchi schastia

КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ

[кн.] V.

93

ПОБѢДИТЕЛИ

И

ПОБѢЖДЕННЫЕ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ВЫПУСКАХЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ТЫСЯЧА.

И будутъ люди слезы лить надъ сказкой.

И вымысль переживать жоня.

(Сказки Гаральда)

МОСКВА—1915.

PG
3470
V₄ K₄
1910
km. 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Студія открылась въ Петербургѣ пятнадцатаго сентября пьесой въ стихахъ модерниста Нежданова.

Спектакль прошелъ съ небывалымъ скандаломъ. Партеръ свисталъ и шикалъ. Верхи аплодировали и вызывали автора.

Онъ вышелъ. Свистки усилились. Неждановъ вскинулъ монокль, скрестилъ руки на груди и съ улыбкой глядѣлъ на волновавшуюся толпу. Это тоже произвело впечатлѣніе... „Наглость!..“

— „А по-моему сила!..“ раздавались возгласы.

Самые разнородные отзывы появились на другой день въ печати. Неприличная ругань съ одной стороны и неумѣренные восторги съ другой. Одни привѣтствовали новаторовъ и называли режиссера Шпильмана гениальнымъ. Другіе глумились надъ пьесой и надъ постановкой... Равнодушныхъ не было. Все въ этой *Студіи* было крикомъ „дерзающихъ“, смѣлымъ вызовомъ, брошеннымъ старому бытовому театру, его завѣтамъ, его традиціямъ. Больше всѣхъ надъ Неждановымъ глумился поклонникъ Доры, блестящій критикъ и сотрудникъ *Голоса*—Валицкій.

Въ разгаръ этой полемики, изъ газетъ перешедшей въ журналы, въ *Утренней Зарѣ* появилась статья Бакланова, извѣстнаго поэта-модерниста и знатока искусства. Онъ писалъ изъ Севильи. На представленіе онъ не попалъ, но *Большую Дорогу* читалъ въ рукописи и назвалъ ее талантливой и идейной пьесой. Въ отвѣтъ на эту блестящую защиту Валицкій разразился новыми язвительными нападками въ *Голосъ*, а Фельдманъ—беззащитнымъ глумленіемъ въ своемъ уличномъ органѣ *Извѣстія*.

Благодаря такому шуму, всё спектакли шли съ аншлагомъ; въ касетъ велась запись; у театра дежурила толпа, жаждавшая получить билетъ. Однихъ интересовала пьеса; другихъ—постановка и исполненіе; третьихъ—оригинальныя декорации художника Федотова и музыка Кана. Не всё поняли пьесу. Правилось и это. Она давала пищу спорамъ. И о *Студіи* говорили на five o'clock'tea, въ свѣтскихъ гостиныхъ, въ женскихъ клубахъ, на высшихъ курсахъ, въ студенческой столовой. Встрѣчаясь на трамваѣ или здороваясь на улицѣ, спрашивали: „А вы были въ *Студіи*?.. Нѣтъ?.. Вы не были въ *Студіи*?.. Непремѣнно идите...“

И стала знаменитостью Неждановъ, наканунѣ революціи издавший первый сборникъ красивыхъ, чеканныхъ стиховъ, никому неизвѣстный всё эти годы, оцѣненный лишь небольшимъ кружкомъ „своихъ“.

Слѣдующей новинкой былъ балетъ-драма, написанный Самойловымъ для Нильса.

Самойловъ прославился еще за границей постановкой „новаго“ русскаго балета. О Нильсѣ за эти два года тоже много кричали. Поэтому, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ августъ и явился на первую репетицію, дирекція и труппа встрѣтили его какъ царька. Слава и неожиданно свалившееся богатство не измѣнили Нильса. Веселый и добродушный, онъ сразу сталъ на товарищескую ногу со всѣмъ кордебалетомъ.

Но это только внѣ сцены. Тутъ онъ становился дѣйствительно „царькомъ“. Критики не выносили. Вспыльчивъ былъ до грубости. Когда Шпильманъ и Самойловъ на первой репетиціи попробовали сдѣлать ему замѣчаніе, онъ рѣзко оборвалъ ихъ. „Я артистъ, а не статистъ. Понимаю по-своему. И могу играть только такъ, какъ играю...“

Всѣ такъ и замерли. Директоръ Евтихьевъ втянулъ въ плечи короткую шею, словно спрятаться хотѣлъ, а Шпильманъ горестно закрылъ глаза. Самойловъ поблѣднѣлъ. Слово его было закономъ въ *Студіи*. Съ любопытствомъ всѣ глядѣли на него. Что-то будетъ?.. Но Самойловъ подошелъ къ Лихачеву и взялъ его руку въ свои.

— Вы правы, голубчикъ. Простите... Самъ двадцать лѣтъ былъ артистомъ. Долженъ бы понять васъ. Но... что дѣлать! На казенной сценѣ служилъ. Тамъ нѣтъ артистовъ. Только чиновники. И со мной не считались, хотя премьеромъ былъ. Въѣлось, видно, въ плоть и кровь... Забудьте...—И они обнялись.

И только спектакль показалъ Самойлову, какъ правъ былъ Нильсѣ-художникъ, какъ безошибоченъ его артистическій ин-

стинктъ... Дебютъ Нильса былъ сплошнымъ триумфомъ. Обычное брюзжанье критики и ея постоянное „но“ подь непосредственнымъ впечатлѣніемъ такихъ овацій прошло для публики незамѣченнымъ. Читали только то, что отвѣчало настроенію массъ; вѣрили только тому, что видѣли сами или что слышали отъ очевидцевъ. Забѣгали и заговорили балетоманы,—не только сторонники классическаго балета, не только поклонники „босоножья“, какъ глумился Фельдманъ въ своей уличной газетѣ. Больше всѣхъ волновались тѣ, кто сами, какъ Гаральдъ, Неждановъ, Самойловъ и Шильманъ, искали новыхъ тропинокъ для искусства вдали отъ „Большой дороги“, и требовали простора художнику, скованному традиціей. Нильсъ съ его темпераментомъ и талантомъ былъ самъ воплощеннымъ дерзновеніемъ, о которомъ мечталъ Гаральдъ.

Когда кончился спектакль, директоръ Евтихьевъ пригласилъ въ ресторанъ *Медведь* на ужинъ всю труппу. Пили шампанское. Чествовали Нильса. Рядомъ съ нимъ сидѣла маленькая блѣдная женщина съ печальными глазами, съ твердо сжатымъ ртомъ и упорнымъ, красивымъ подбородкомъ. Она была богато одѣта, и въ ея ушахъ горѣли настоящіе брилліанты.

— Неужто онъ ее любитъ?—шеннула Дуничка подругамъ.

— Такое ничтожество!—подхватила Тинская.

— Просто ошибка молодости,—рѣшила Полли. И дерзко подмигнула Лихачеву. Онъ отвѣтилъ откровенной улыбкой.

Въ этотъ вечеръ онъ со всей труппой пилъ на брудершафтъ и цѣловался съ женщинами.

Шильманъ въ блестящей рѣчи благодарилъ Нильса. Будущее *Студии* обезпечено теперь. Публика признала ихъ. Пресса еще борется за старое. Но побѣда недалека.

Начались репетиціи *Сказки*.

Magion еще не пріѣзжала тогда. Штейнбахъ писалъ, что ей понадобятся только двѣ недѣли работы съ ежедневными репетиціями. Теперь „натаскивали“ кордебалетъ. И тутъ Нильсъ разглядѣлъ, что Дуничка Коровина очень эффектна въ маленькой роли гетеры, а рыжая Полли положительно талантлива въ пляскѣ вакханокъ. То же находили режиссеръ Шильманъ и балетмейстеръ Самойловъ. И этого было вполне достаточно, чтобы обѣ женщины стали любовницами Нильса. Эта связь длилась не болѣе недѣли. Но репутація Нильса въ артистическомъ мѣрѣ опредѣлилась разь навсегда... Устояла одна добродѣтельная Тинская. Нильсъ не прощаль ей этого и считалъ ее душой. Но и Тинская позволяла цѣ-

ловать себя въ полумракѣ кулисъ. Ей льстили небрежный флиртъ знаменитаго артиста.

— Орель!—смѣялся Самофловъ. А помощникъ режиссера, бывшій провинціальный артистъ Ветлугинъ, съ комической миной потирая руки, возражалъ:

— Пѣтухъ-съ, Николаѣ Яковлевичъ, настоящій бойцовый пѣтухъ! Вонъ какой гаремчикъ завелъ себѣ здѣсь! А курочки мирно уживаются, какъ курочкамъ и подобаеть...

Теперь Самофловъ по пятамъ ходилъ за Нильсомъ и глядѣлъ ему въ глаза, какъ влюбленная женщина. Своему другу Шпильману онъ говорилъ: „Въ XVIII столѣтіи на всю Европу прославился де-Вестрисъ своими кабріолями и пируетами. Но туго пришлось бы ему теперь, при такихъ высокихъ требованіяхъ къ балету. Надо быть первокласснымъ художникомъ, чтобы выдвинуться какъ Нильсъ“.

Популярность Лихачева и здѣсь, какъ всюду и всегда, создали женщины. Но онѣ въ балетѣ не цѣнили стараго и не жаждали новаго. Непосредственно дѣйствовала на нихъ красота Нильса на сценѣ и его артистическій темпераментъ. У кассы театра были форменныя сраженія. Дѣвѣны, доставшія билетъ, бѣжали по улицѣ съ истерическимъ смѣхомъ и кидали знакомымъ безсвязные отвѣты. А неудачницы рыдали тутъ же, не стѣсняясь насмѣшками толпы. Въдѣ къ Рождеству балетная труппа перекоцуетъ въ Москву, потомъ за границу... Нильсъ, являясь на репетицію, шель всегда черезъ строй поклонницъ. Онѣ мокли подъ дождемъ у вратъ рая, дожидаясь выхода знаменитости. Когда кончался спектакль, его опять ждала толпа „психопатокъ“. Онѣ бѣжали за автомобилемъ, иногда бросали въ окно цвѣты, которые падали на мостовую и гибли въ грязи. Ему съ утра звонили по телефону, чтобы слышать его голосъ. Надушенные записки и скромныя письма съ просьбой о портретѣ, автографѣ, часто о свиданіи; робкія, восторженныя или дерзкія, привычныя признанія въ любви—всѣ онѣ складывались въ хрустальную вазу, въ гостиной, и валялись въ ней нераспечатанныя, или въ корзинѣ подъ столомъ разорванныя, недочитанныя, ненужныя... Нильсъ такъ небрежно обращался съ этими посланіями, что даже ревливой женщиной не пришло бы въ голову что-нибудь заподозреть.

Но Милочка не ревновала, и не въ ея натурѣ было читать чужія письма. Съ того памятнаго ей дня, когда она почти ребенокъ, окончивъ съ золотою медалью гимназію, къ ужасу огромной и

строгой старовѣрческой родни, по одному слову Лихачева бѣжала изъ родительскаго дома отъ суроваго отца, и невѣщанная ушла за своимъ набранникомъ въ неизвѣстное, презирала нужду и позоръ,—ни разу съ того дня не пошатнулась ея восторженная вѣра и не ослабѣло ея беззавѣтное чувство. А много было выстрадано. Отецъ, потрясенный скандаломъ, слегъ и не всталъ уже. А умирая прокляла любимую дочь. И долго-долго спустя по ночамъ, когда Петечка спалъ, Милочка сползала съ постели и молилась, рыдая и ломая худенькія ручки. Отца она любила больше всего въ мірѣ, пока не встрѣтила Петечку... Неужели нѣтъ прощенья? Неужели мертвые не видятъ нашихъ слезъ?

Ненастный петербургскій день словно придавилъ всѣхъ плотной пеленой тумана. Только два часа, а уже темно.

Милочка зажигаетъ электричество и опять ложится на кушетку. Ее всегда лихорадитъ, и не грѣетъ ее плюшевый капотикъ.

Въ модномъ отелѣ, на углу Невскаго и Мойки, они занимаютъ три номера съ салономъ. Спальня, дѣтская, столовая и салонъ-кабинетъ Нильса. Внизу превосходный ресторанъ. Но они обѣдаютъ дома. Стоить эта жизнь страшно дорого. Черезъ мѣсяць весь балетъ переѣдетъ въ Москву, а въ февралѣ за границу.

Милочку безконечно утомляетъ эта кочевая жизнь. Она рѣшила поселиться въ Москвѣ, на квартирѣ, и прожить до лѣта. Страшно тащить крошечную Тасю за границу зимой.

Нильсъ удивительно быстро привыкъ къ богатству и сталъ совсѣмъ большимъ бариномъ. Его широкая натура развернулась „во всю“... Угощаетъ друзей ежедневно въ ресторанѣ, бросаетъ золотые „на чай“, держитъ автомобиль... Требуетъ, чтобъ Милочка ѣздила на всѣ первыя представленія. И оборони Боже надѣть два раза одно и то же платье!.. А ее утомляютъ эти примѣрки, эти выѣзды. Когда онъ принесъ еѣ (еще въ Америкѣ) бриллиантовое кольцо, она ахнула и назвала его безумнымъ. Но теперь, лежа на кушеткѣ и глядя на блѣдныя ручки, сіяющія въ кольцахъ, Милочка думаетъ, что это вѣрнѣе... хоть что-нибудь останется Тасѣ... Карьера артиста такъ непрочно! Охлаждетъ публика къ балету. Взойдетъ новая звѣзда, въ лучахъ которой померкнетъ слава Нильса... А можетъ случиться и еще худшее. Онъ выходитъ послѣ танца весь въ испаринѣ, трико хоть выжми...